

Памяти академика М.Л. Титаренко

«Китаеведы призваны расширять взаимопонимание, поле сотрудничества и взаимодействия России и Китая»

Невосполнимую утрату понесли в феврале 2016 г. российское востоковедение и отечественная синология. Ушел из жизни выдающийся востоковед, китаевед, глубокий знаток китайской традиционной мысли и духовной культуры, лауреат Государственной премии Российской Федерации, председатель Общества российско-китайской дружбы, академик Российской академии наук Михаил Леонтьевич Титаренко.

На протяжении трех десятилетий М.Л. Титаренко возглавлял ведущее научное учреждение нашей страны по изучению проблем Китая, Японии, Корейского полуострова, АТР, деятельности ШОС и других региональных формирований — Институт Дальнего Востока РАН. Многие годы он был бессменным членом редколлегии нашего журнала.

Михаил Леонтьевич не дожил двух месяцев до своего 82-летия. Ниже публикуется не печатавшееся ранее одно из его последних интервью, которое около года назад, в апреле 2015 г. накануне дня рождения он дал руководителю Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, члену редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», доктору политических наук Андрею Владимировичу Виноградову.

А.В. Виноградов: *Михаил Леонтьевич, Вы занимались китайским языком, становились китаеведом, готовились к поездке и, наконец, прибыли в Китай. Каковы были Ваши первые впечатления от изучаемой страны?*

М.Л. Титаренко: Впечатлений было много. Первое среди них было таково, что я приехал к очень близким друзьям, которые любят нашу страну. Я это почувствовал по улыбкам, объятиям, приветствиям, желанию помочь. Причем делалось это с достоинством — не услужить, а именно помочь. Это было во всем, начиная с еды, заканчивая учебой, решением элементарных бытовых вопросов.

Второе, что бросалось в глаза — это страна великой культуры, в которой есть и самое простое, очень скромное и бедное и есть неповторимо величественное, кажущееся нам экзотикой. Сочетание величественности и такой, я бы сказал, простоты, обыденности, изысканность культуры, дворцы, стены, храмы, парки и очень обыденная скромная жизнь. И люди признают этот факт и чувствуют себя комфортно.

Эти два впечатления остались у меня до сих пор как самые яркие. Поэтому, когда наши отношения начали портиться, я неизменно говорил, что это «зигзаг». Исторически сложилось так, что в нынешних условиях, в нынешней ситуации мы идем в одной упряжке-

ке, мы можем меняться местами, кто впереди, а кто сзади, но телегу мы везем одну, бремя мы несем одно. Мы были впереди, они были сзади, теперь они впереди, мы рядом.

В 1958 г. я закончил спецфакультет китайского языка и начал изучать китайскую философию на философском факультете Пекинского университета. Однако в июне 1958 г. по указанию председателя Мао факультет был направлен учиться философии у крестьян. Я был единственным иностранным студентом, кто вместе с китайцами отправился в деревню.

Должен сказать, что я принял правильное решение, что поехал в деревню вместе с китайскими студентами, увидел трудную сельскую жизнь, китайскую реальность. Я как бы был допущен в глубинный, внутренний слой китайской культуры, который для всех иностранцев обычно закрыт, но мне приоткрыли двери и прониклись ко мне доверием, и я старался не злоупотреблять этим доверием, а оправдать его. Там я увидел жизнь Китая изнутри, окупился в нее.

В результате Вы стали дипломированным китаистом, Ваша квалификация была подтверждена китайским дипломом. Ощутили ли Вы какую-то внутреннюю связь с Китаем? Как складывалась Ваша дальнейшая судьба китаеведа?

Мое первое приобщение к Китаю возникло в годы ранней юности. Я был вовлечен в патриотический подъем, покори́н революционной романтикой, высокой мечтой, которые господствовали среди советской молодежи в годы войны и спустя несколько лет после нее, она перекликалась с революционной романтикой Китая. Это мне было одинаково близко и понятно, я восхищался этим героизмом.

Когда создавались народные коммуны, я поначалу тоже был в восторге, разделял всеобщий энтузиазм китайцев, спрашивал себя, почему мы так медленно идем. Ведь чтобы ответить на китайские упреки в том, что Советский Союз ползет к социализму, наши лидеры придумали сначала программу построения коммунизма к 1980 г., а потом «зрелый социализм», «перезрелый» социализм и т.д. Толчок этим изысканиям дал Китай. Документы XXI и XXII съездов об ускоренном строительстве коммунизма были спровоцированы Мао Цзэдуном. Мы коммунизм построим к 1980-м годам, — заявил тогда Н.С. Хрущев. Это был ответ на «большой скачок», народные коммуны и обвинения, что СССР «плетется к коммунизму». В этом смысле леваческие идеи Мао Цзэдуна оказали негативное влияние на политику советского руководства и всего социалистического лагеря. Политика стала обгонять реальные возможности страны, ставились задачи, для решения которых страна не располагала материальными ресурсами.

Дальнейшее мое «хождение в Китай» было связано с поисками понимания, почему в Китае происходят те или иные события, почему китайцы так поступают, как соотносить китайскую культуру и политику с нашей культурой и политикой...

Я стал востребованным человеком как специалист по изучению идей Мао Цзэдуна, по связям современной идеологии с традиционной. В 1962 г. в марте я по собственной инициативе написал длинную записку о том, каковы истоки идей Мао Цзэдуна, и как в Китае трактуют соотношение этих идей с марксизмом в моем личном понимании. Записка носила объективный характер. Ее смысл был в том, что в Китае происходит подтягивание марксизма к его объективным потребностям, к его культуре и образу мышления; идет поиск ответов на вопросы, на которые в условиях китайской практики, китайских реалий марксизм ответов не давал. Главная идея состояла в том, чтобы понять специфику страны и уровень ее развития, понять, что существующие отклонения диктуются не злой волей кого-то, а самой жизнью.

В.А. Кривцов прочитал мою записку и отправил ее в Пекин послу. Как мне сказали, посол Степан Васильевич Червоненко всю мою записку исчертил, приказал перепечатать посольским шрифтом и отправил с сопроводительным письмом лично Ю.В. Андропову. Потом в архиве мне ее показали, она также была изрисована синим карандашом, вопросами, подчеркиваниями, замечаниями: «откуда это взято?» и т.д.

Получается, что за три года от романтизма, который господствовал, когда все начиналось, Вы отошли и смогли посмотреть на ситуацию по-другому, как бы со стороны. Что повлияло на изменение Ваших взглядов за три года?

Конечно, я видел ту трагедию, которую переживал Китай. Под окнами нашего Генконсульства останавливались джонки голодных людей. Я возвращался из города, испытывая большое потрясение от вида голодающих и нищих.

Одна из причин трагедии, которая потом произошла в советско-китайских отношениях в 60–70-е годы прошлого века, была связана с несовпадением двух мировоззрений, формировавшихся под влиянием разных уровней развития СССР и КНР, непониманием лидерами двух стран той, казалось бы, простой истины, что социализм на отсталой экономической и культурной базе построить нельзя.

Заслуга Дэн Сяопина в том, что он осознал, что в ходе «большого скачка» и «культурной революции», построить бедный социализм невозможно. Он заявил: «Китай находится на самой низшей стадии создания социализма». Этого понимания тогда не было. И у нас, и у них было другое: дескать, можно построить социализм, минуя стадию капитализма. Так появилась «теория» некапиталистического пути развития, который якобы приведет к социализму. Главными вдохновителями этой теории были Б.Н. Пономарев, Р.А. Ульяновский. Потом появилось много теоретиков т.н. «некапиталистического пути развития». На основании ленинского высказывания о том, что путем политической мобилизации, политических и идеологических воспитательных средств можно перепрыгнуть в этап развитого капитализма на основе идеи Маркса о том, что русская община содержит в себе элементы, аналогичные организационным структурам социализма, нашими теоретиками была выдвинута концепция некапиталистического пути развития, которая нанесла колоссальный ущерб. Она давала идеологическую базу, идеологическое основание для особой политики в отношении Монголии, наших среднеазиатских республик, для особых отношений с Китаем, Вьетнамом, Индией, рядом стран Африки и Латинской Америки. Политика и экономика подменялись идеологией, экономика, социально-экономические реалии подменялись идеологическими формулами и получилось так, что говорили «марксизм», «ленинизм», «диалектический материализм», а на деле получился самый настоящий субъективный идеализм и волюнтаризм. Идеологические формулы оказывались первичными, а экономика подгонялась под эти формулы. Они критиковали Хрущева, хотя делали то же самое.

Так начали строить «социализм» в средневековом Афганистане, в Анголе, Эфиопии и т.д. У классиков давно было сказано, что социализм — это высшая стадия развития общества, когда развитие материальных сил, науки, культуры отвечает высшим критериям, создано изобилие материальных и духовных ценностей. А китайские крестьяне были вынуждены жить на подножном корму, на 60 юаней в год. Успехи первого десятилетия вскружили Мао Цзэдуна голову. Он объявил: «много людей, много сил» (*«жэнь до, лиян да»*) — используя простую физическую силу, можно совершать чудеса. Поэтому в философии появился лозунг *«сян дэ дао, цзо дэ дао»* — «если возникла идея, то ее можно реализовать». Ведь материя первична, сознание вторично, раз подумал, значит, материя дала сигнал. «Ты просто не готов это сделать, но ты должен быть готов». «Много, быстро, хорошо и экономно» — (*«до, куай, хао, шэн»*) — это философия действия. Это было желанием и мечтой вырваться из многовековой нищеты, отсталости в стране с древнейшей культурой, которая еще два столетия назад была первой в мире. В глазах китайцев это не просто история, это сегодняшний день, история актуальна и она давит, дает прецедент и толчок. «Как так получилось, что Китай отстал и стал полуколонией? Вины японцы, виноваты иностранцы, виноваты те, другие, а тут еще советские говорят “о каком-то” научном социализме. СССР не идет, а плетется к коммунизму, полагали идеологи маоизма, мы же в Китае все сделаем намного быстрее».

Это традиционные амбиции. То, что Си Цзиньпин сейчас говорит о возрождении величия страны, линии на построение великого могучего процветающего Китая, включая культуру, — все эти лозунги были и тогда, но тогда не было никакой материальной основы, а сейчас она есть. Китай стал державой № 2. На строгой научной основе Китай в ходе реформ совершил настоящий, грандиозный «большой скачок».

«Начальный этап социализма» — это открытие. Тезис Дэн Сяопина о том, что Китай находится на самом начальном этапе социализма, сдерживает леваческие настроения. По сути же, эта концепция представляет собой конвергенцию прогрессивных с исторической точки зрения качеств капиталистической системы и идей социальной справедливости социализма.

Вы долгое время учились и работали в Китае. Вы один из немногих советских людей, кто имел возможность наблюдать события «большого скачка» и «культурной революции» изнутри. Как Вы оцениваете события того времени с точки зрения сегодняшних китайских успехов?

Если говорить о «большом скачке», то как и «культурная революция», это крайне леваческий, волюнтаристский подход к процессу исторического развития. Сторонники такого подхода полагали, что историю можно подгонять плеткой, раскручивать как юлу. После 1956 г. у Мао Цзэдуна в результате нахождения КНР в позиции «младшего брата» и ситуации сплошной блокады со стороны Запада произошел перелом в сознании. Он стал считать, что Китай благодаря своим размерам и огромным людским ресурсам сам сможет решить свои проблемы.

Это была абсолютизация силы волевого решения. Проявились не просто крайний волюнтаризм и субъективизм, но национализм в форме китаецентризма и абсолютизация фактора долговременности и богатства китайской культуры. Некоторые китаисты полагают, что Китай идет вперед и осмысливает все, что он делает сегодня, через постоянные обновления и переосмысления своей истории, идет как бы «спиной вперед». В чем сила китайского образа мышления? Китай может встать на путь, который в данный момент соответствует только его текущим, сиюминутным интересам, но с точки зрения главной тенденции истории, стратегии, Китай очень редко допускает ошибки. Здесь Китай непоколебим.

«Большой скачок» и «культурная революция» с точки зрения текущей политики — это огромная трагедия, но вместе с тем надо видеть, что это этапы поиска правильной линии, это была плата за выработку той стратегии, которая способна мобилизовать все общество на решение актуальных задач подъема страны. Какая задача у «большого скачка»? — поднять, у «культурной революции»? — поднять, уничтожить все то, что мешает. Ошибочные методы были проверены практикой и отброшены. Если бы не было этих испытаний, то развитие Китая не было бы столь успешным. Чем больше Китай страдал, тем больше энергии он вложил для того, чтобы заполнить этот пропуск времени.

В этом смысле призыв Си Цзиньпина не противопоставлять первое 30-летие развития КНР второму 30-летию, т.е. этапу реформ, имеет глубокий смысл. Заслуга новых постмаоистских лидеров КНР в том, что они из «большого скачка» и «культурной революции» смогли извлечь серьезные уроки. Важный урок — решать те задачи, для которых можно максимально мобилизовать внутренние и внешние резервы.

Но у меня складывается впечатление, что наши китайские друзья, с одной стороны, правильно делают упор на максимальное использование этих внешних факторов, но вместе с тем несколько их переоценивают. Это особенно хорошо видно на примере политики открытости. Нельзя не обратить внимание на то, что чрезмерная открытость может раскрыть шлюзы для внешней культурной и идеологической экспансии. Культурная экспансия размывает национальную идентичность элиты. Чисто китайская система нравственно-культурных, исторических ценностей может быть поставлена под угрозу размывания и ослабления виртуальными ценностями Запада. Ведь принятие этих сомнительных,

но «удобных» ценностей масскультуры и комфорта, расслабленности не требует волевых усилий. Погружение значительной части китайской интеллигенции, элиты в виртуальную культуру, которая базируется, прежде всего, на западных ценностях потребительства и эгоизма, отрыв ее от национальных корней — это очень опасная тенденция, порождаемая глобализацией и культурной идеологической экспансией Запада.

Как эти внутренние изменения в Китае отразились тогда на советско-китайских отношениях? Какие ошибки были допущены руководством СССР и КНР в тот период? Можно ли было их избежать?

В 1969 г. по инициативе Мао Цзэдуна была организована военная провокация на пограничном острове Даманский. Дальнейшие события свидетельствовали, что это было сделано для того, чтобы показать и китайскому народу и американцам (а расчет был прежде всего на них), что СССР — враг и Китая, и США, что советско-китайский Договор о союзе, дружбе и сотрудничестве 1950 г. — пустая бумажка. Мао решил организовать военную акцию, чтобы, по его словам, «пощупать зад у тигра», но так, чтобы это не спровоцировало большую войну. Военные исполнили. Потом они решили ее повторить, потому что, с их точки зрения, первая прошла недостаточно убедительно, и организовали вторую провокацию в Казахстане в районе Жаланашколя, но там после Даманского была повышена бдительность. Примерно 3 тыс. китайцев были сожжены новейшей системой залпового огня, в живых остался всего один человек и тот сошел с ума.

Полагаю, что отсюда начало расти дело Линь Бяо: быть с американцами или идти своим путем, не провоцируя СССР. Линь Бяо был ближайшим, вернейшим сподвижником Мао, тем не менее, был китайцем, китайским патриотом-националистом и полностью поддерживал все антиамериканские декларации председателя Мао, но когда он увидел, куда председатель Мао ведет дело, он, как полагают, мог сказать: «Председатель Мао, мы выполнили Ваше указание 1964 г. о том, чтобы превратить советско-китайскую границу в сплошную кровоточащую рану. Мы ее превратили, организовали события на Чжэньбаодао (Даманский) и в районе Жаланашколь. Мы все сделали. Но я должен Вам доложить, что Народно-освободительная армия по своему вооружению не готова к полномасштабному противоборству с советской армией».

Американцы просчитали эту ситуацию и намерения Мао. Г. Киссинджер передал китайцам сфабрикованные ЦРУ «секретные документы» о том, что Советский Союз якобы собирается нанести превентивный атомный удар по Синьцзяну, по китайским ядерным центрам. Это была крупная американская провокация. После этого последовал приказ Мао Цзэдуна «глубже рыть туннели, запастись зерно, готовиться к войне», «не бояться трудностей, не бояться смерти». Линь Бяо стало известно, что готовится визит Р. Никсона. Он и его люди были готовы этому помешать. Стало ясно, что Линь Бяо и группа военных не разделяют намерения председателя Мао объединиться с США против СССР.

Мао Цзэдун тогда находился с точки зрения здоровья в очень плохой форме, врачи сделали все, чтобы привести его в такое состояние, чтобы он мог хотя бы 30 минут побеседовать с Р. Никсоном. Они беседовали почти час. После того как Р. Никсон ушел, Мао Цзэдуна вывели, так как он сам не мог выйти из кабинета. Это из воспоминаний его окружения.

Во время визита Р. Никсона Мао Цзэдун фактически предложил заключить устный китайско-американский альянс против Советского Союза. Тогда советское руководство очень серьезно отнеслось к опасностям, которые могли вытекать из этого альянса. Москва была вынуждена пересмотреть все планы развития народного хозяйства. Планы повышения благосостояния были отложены, и все силы были сосредоточены на создании ракетно-ядерного паритета с США и укреплении восточных рубежей, были усилены вооруженные силы на Дальнем Востоке, серьезно укреплены границы. Монгольские друзья попросили ввести советские воинские подразделения для размещения вдоль границы с Китаем.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов Советский Союз в кратчайший срок в колоссальном напряжении (в этом огромная заслуга нашей оборонной науки) установил военный ракетно-ядерный паритет с Америкой. Бремя Советский Союз взял на себя столь тяжелое, что долго выносить его не смог. СССР переживал тяжелейший внутренний кризис. Поэтому, когда я выступаю в Китае, я всегда говорю: дорогие китайские друзья, в том, что рухнул Советский Союз, есть и вклад председателя Мао. Американцы вместе с Мао втянули СССР в непосильную и изматывающую гонку вооружений.

Американцы в полной мере воспользовались открывшимися для них возможностями в разностороннем сотрудничестве с Китаем. В течение всего этого времени они прилагали немалые усилия для создания разветвленной проамериканской прослойки влияния, своеобразной «мягкой силы» внутри Китая, чтобы воспитать огромную массу интеллигенции в духе американской системы ценностей. Надо признать, что США немало преуспели в этом. Эта прослойка обладает немалым влиянием среди интеллигенции в деловых и государственных структурах.

Американцы пошли на создание системы экономической взаимозависимости. Вот ответ, почему крупные китайские частные компании и фирмы не делают инвестиций в Россию. Отговорки о том, что в России законодательство не такое совершенное, что российские бизнесмены ненадежные партнеры — это все слова. Но, например, Германии это не мешает, не мешает и Голландии, и Финляндии, а китайским крупным бизнесменам почему-то мешает. Потому что в Америку, в Европу, Африку, Центральную Азию идут их огромные инвестиции, они завязаны на западные рынки и банки. Политически и идеологически в Китае надеются, что Россия поможет им устоять перед угрозами со стороны США. Но экономически, по мнению крупных фирм, Россия — маргинальная страна. Я бы сказал, что тут у наших друзей проявляется двойной стандарт. Вот здесь в полной мере появляется черта, которая присуща китайцам, которая гарантирует им успех в делах, но не гарантирует любовь и доверие партнеров. Циничный прагматизм, который очень хорошо обставлен красивыми фразами. В последние годы руководства Председателя Ху Цзиньтао появился новый термин — «взаимный выигрыш», Председатель Си Цзиньпин решил облагородить этот прагматизм красивой нравственно-идеологической конструкцией о великой китайской мечте, о возрождении Китая в сотрудничестве с другими народами. Идея взаимного выигрыша появилась не случайно. В этой формуле наиболее ярко проявляется прагматизм и азарт, присущие китайцам. Китайцы по своей природе очень азартны. Это глобальная политическая игра, отсюда и выигрыш, а не выгода. Это звучит для китайца более приемлемо, более соответствует его азартной натуре. Идеи о китайской мечте должны придать более глубокий и нравственно-возвышенный характер политике Китая.

Вы сказали об ошибках китайского руководства в период 1960-х — начала 1970-х годов. А у советского руководства были ошибки в этот период?

Были, конечно, и немало. Первая ошибка — это готовность пожертвовать национальными интересами ради красивой идеи. Причем основное бремя жертвенности возлагалось на русский народ и его славянских братьев. Правящая прослойка страны жила в условиях, близких к коммунистическим. Им была непонятна степень тех трудностей, которые переживал народ.

Постепенно произошел раскол между высшим руководством и остальной массой членов партии и населения. Они жили в разных измерениях. Поэтому, когда Б. Ельцин и прочие, используя демагогические лозунги, начали крушить эту структуру, никто не выступил в ее защиту — такова была степень отчуждения массы от руководства страны. Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин перед учеными китайской Академии общественных наук ставили один и тот же вопрос: «Почему, когда Б. Ельцин запретил великую Коммунистическую партию Советского Союза, никто не вышел ее защитить?» Ки-

тайские ученые, идеологи в ответ на этот вопрос издали сотни книг, опубликовали тысячи статей и даже создали кинофильмы.

Хочу еще раз подчеркнуть: идея о том, что Китай находится на самой начальной стадии социализма, имеет очень важное значение для возвращения на путь реализма. Где создаются материальные и культурные предпосылки для перехода от капитализма к более справедливой общественной формации? В капиталистическом обществе. Это естественно-исторический процесс. Умение работать, понимать, что должно быть сделано и как оно должно быть сделано — качественно, конкурентоспособно, индустриальная культура и технические навыки производства, технологическая дисциплина создаются и внедряются в трудовую культуру именно в условиях капиталистического общества. Ставя задачу построения социализма до конца XXI в., Китай вынужден одновременно ускоренно проходить этап капиталистического развития и создавать предпосылки для перехода к полномасштабному строительству в будущем социализма. Это очень сложная проблема. Главные предпосылки для будущего социализма создаются конкуренцией, развитием науки и техники, совершенствованием банковской системы, максимальным развитием производительных сил, совершенствованием социальной системы, развитием науки и культуры. Здесь приоритет отдается изучению и применению опыта развитых капиталистических стран. А идеи социализма в это время приходится поддерживать идеологическими, организационными, политическими, социальными подпорками, обеспечением руководящей роли КПК. На деле лидеры КПК взяли и китаизировали идею конвергенции капитализма и социализма и негласно положили ее в основу политики реформ и открытости, курса на построение социализма с китайской спецификой.

Китай решал свои задачи, а бороться за социализм в Корее, во Вьетнаме, на Кубе, в Африке не хотел. Если он помогал вьетнамцам, то решал свои собственные задачи в отношениях с американцами. Когда мы говорили, что надо помочь вьетнамским товарищам, и у нас единственный путь везти оружие и продовольствие через вашу страну, то китайцы соглашались, поезда с военной техникой во Вьетнам шли через Китай, а по дороге грузы часто потрошились. Главное, что нам не удалось преодолеть, так это отбить тактику, которую хитро навязал Мао Цзэдун под таким красивым лозунгом «старший брат», «социалистический лагерь во главе с Советским Союзом». В результате у нас не было равноправных отношений. Советский Союз оказывал огромную материальную помощь, поставлял самое современное оборудование. Опыт нашего сотрудничества в 1950-е годы в Китае считают «золотым веком» развития страны. Он отличается от любого опыта нынешнего сотрудничества Китая с другими странами тем, что западные страны, включая Японию и США, передают только то, что у них с моральной точки зрения устарело. А у нас не было секретов. Яркий пример мне привел бывший в 1950-е годы директором Уралмаша, а в 1980-е годы Председателем Совета министров СССР Н.И. Рыжков. Когда был создан самый современный прокатный стан, самый мощный тогда в мире, за который потом разработчики были удостоены государственной премии, его сначала поставили в Китай, а только потом себе. Тогда многое так делалось.

Остановил эту практику Н.С. Хрущев, когда отношения начали терять взаимное доверие, только после того, как у высших руководителей двух стран появилась тень недоверия, Н.С. Хрущев отменил соглашение о передаче образца ядерной бомбы, но к тому моменту основная технология создания бомбы уже была передана. Китайцы ей воспользовались и взорвали бомбу в день отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г.

Помимо неучета собственных национальных интересов и китайской национальной специфики, еще одна ошибка была в том, что руководство СССР было убеждено, что Китай должен строить социализм советского образца.

Одна из причин советско-китайского конфликта состояла в том, что советское руководство в подходе к Китаю отошло от традиций евразийства, которое диктует уважение интересов и выбора партнера, поиск гармонии, симфонизма отношений, понимание

того, что различия являются позитивным фактором. Сторонники западничества считают западную культуру вершиной культуры и цивилизации. Они смотрят на других сверху вниз, западное — значит высшее, все остальное вторично.

Трагедия в наших отношениях возникла, когда евроцентристское высокомерное отношение к Китаю столкнулось с китаецентризмом Мао Цзэдуна. Мы в конце концов согласились, что мы — «старший брат», но при этом забыли, что есть такой арсенал китайской культуры, который нам оставался недоступен, который надо изучать, за счет которого можно обогатить себя, так же как китайцы обогащали себя за счет нашей культуры и культуры других западных и восточных стран. Неслучайно горбачевский призыв «войти в мировую цивилизацию» стал идеологической предпосылкой развала СССР.

Как Вы пришли на работу в ЦК КПСС?

В 1965 г. летом я приехал в Москву готовиться к защите диссертации. Через МИД мне передали указание приехать на Старую площадь, подъезд 3.

Со мной беседовал О.Б. Рахманин. Он сказал, что есть мнение пригласить меня на работу в отдел ЦК. «Вам оказывается большая честь и доверие», — сказал он. Мне был тогда 31 год. После успешной защиты диссертации я вернулся в Китай, собрал вещи, попрощался и поехал обратно в Москву. Моя жена Галина с сыном Андреем были уже в Москве.

Я работал в отделе ЦК с ноября 1965 по 5 июля 1985 г. Сначала был назначен референтом китайского сектора, когда заведующим сектором был О.Б. Рахманин (потом он стал первым заместителем заведующего отделом ЦК). Со мной вместе работали такие знатоки Китая, как В.И. Лазарев, Б.Т. Кулик, Р.Ш. Кудашев, Т.Р. Рахимов, В.И. Шабалин, В.И. Антонов, В.Я. Сидихменов, Б.А. Бородин и др.

Как складывалась Ваша судьба на новом месте работы?

Первое серьезное задание, которое мне было дано в отделе ЦК вместе с Отделом науки (Валентин Иванов) и Отделом информации (Г.С. Кюзаджан), было подготовить записку в Политбюро по поводу воссоздания Института китаеведения. Инициатива исходила из нашего отдела. Эту идею активно поддерживали О.Б. Рахманин, Б.Т. Кулик, М.И. Сладковский. Существовавший ранее Институт китаеведения под давлением Мао Цзэдуна в конце 1950-х годов был закрыт, было закрыто и старейшее учебное заведение — Институт востоковедения. Прекратил выходить журнал «Советское китаеведение». В начале 1966 г. вышло решение Политбюро ЦК КПСС о создании в рамках АН СССР Института по проблемам современного Китая на базе Отдела истории Китая при ИЭМСС АН СССР, которым руководил С.Л. Тихвинский, а затем Л.П. Делюсин. Академии наук и Совету министров было поручено решить материально-финансовые и кадровые вопросы в связи с созданием этого института.

Поскольку ранее Мао Цзэдун критиковал китаеведение как «проявление колониализма», а термин «китаеведение» толковался как стремление «вести», руководить Китаем, то Институту современного Китая было дано официальное название — Институт Дальнего Востока Академии наук СССР. Я присутствовал на заседании Президиума АН СССР, которое вел академик В.М. Келдыш. Это было в мае или в апреле 1966 г. В решении первоначально предусматривалось немало льгот для сотрудников Института Дальнего Востока, но позднее все нивелировалось. Признавалось, что китаеведение нельзя приравнять к европоведению в силу больших трудностей овладения китайским языком и особенностями Китая. Так или иначе, был создан большой, можно сказать, уникальный институт. Его задачей было научное обеспечение политики СССР в отношении Китая и соседних дальневосточных государств, изучение их истории, экономики, культуры, внешней политики для поиска путей улучшения отношений с Китаем и другими нашими соседями. Кроме того, было принято решение во все посольства в крупных странах, с которыми у Китая имеются активные отношения, направить китаеведа, во всех правительственных организациях, которые занимаются поддержанием и разви-

тием отношений с Китаем, на этих участках должны быть китаеведы. Этот принцип был введен тогда. Поэтому в США, Франции, Германии, в Азии, во всех соцстранах, во всех посольствах была учреждена специальная должность первого секретаря. Первоначально планировалось, что представители будут братья из числа научных сотрудников Института Дальнего Востока, но потом поделили, и львиная доля досталась Институту экономики мировой соцсистемы. Эта система частично сохранилась до сих пор: Китаем должны заниматься китаеведы.

Михаил Леонтьевич, кого, на Ваш взгляд, можно считать китаеведом?

Китаевед — это человек, который владеет китайским языком, желательно не только современным, но и *вэньянем*, т.е. древним китайским, осознает стержни китайской цивилизации, специфику китайской культуры, истории, национального самосознания, способен анализировать стратегию и тактику, цели китайской политики. Мое убеждение, и не только мое, сводится к тому, что китайская философия — это ключ к пониманию китайской культуры, китайской идентичности и политики Китая. Можно знать очень много событий, фактов, но слабо, односторонне понимать смысл того, что знаешь. Еще великий Мо Ди утверждал, что знание и понимание — это разные ступени познания. Знания формируются с помощью восприятий, ощущений, память накапливает знание разных фактов и впечатлений. Понимание, осмысление (у Мо Ди — *люй*) — это достижение с помощью логического анализа («ча» и «бянь») стадии мудрости, т.е. овладение сутью полученных знаний. Этот уровень познания называется мудростью «чжи». Сейчас много статей и публикаций людей, которые из СМИ узнают фактуру: сколько Китай чего-то производит и сколько в нем населения, даже знают, где находится Пекин, что в Китае есть Великая китайская стена, могут, путая звучание иероглифов, называть фамилии руководителей. К сожалению, наши СМИ не учитывают того факта, что в китайском языке отсутствуют некоторые звуки, звукосочетания, присущие западным языкам, что порождает трудную проблему для транскрипции китайских терминов, имен и топонимов. Проблему усложняет наличие в Китае более десятка диалектов, которые сильно отличаются от официально признанного пекинского диалекта — путунхуа, который в старину на Западе называли «мандаринский язык», т.е. язык столичной бюрократии и просвещенных людей. К сожалению, наши «знатоки Китая» по Интернету часто в одном китайском слове допускают по несколько ошибок. Самая адекватная пекинскому диалекту иностранная транскрипция китайского языка составлена в 40-х годах XIX в. русскими китаеведами Н.Я. Бичуриным и В.П. Васильевым, а затем уточнена Кафаровым (Палладием) и уже в советское время — академиком В.М. Алексеевым. Например, нельзя говорить и писать «Джоу Эньлай», ибо в китайском нет такого звукосочетания Дж, а есть Чж — Чжоу Эньлай. Нельзя писать «Дзян Дзэминь» — можно и нужно: Цзян Цзэминь (в одном слове две ошибки), так как звукосочетания «Дз» в пекинском диалекте также нет. Нельзя повторять на русском английскую транскрипцию китайских имен, где твердость звучания согласных обозначается английским звуком «g». Поэтому в текстах, заимствованных с западных языков, имя Мао Цзэдуна ошибочно пишется «Мао Дзедунг», «Дэн Сяопинг» и т.д. Знаменитый китайский политик, известный у нас в гуандунской транскрипции как Сунь Ятсен, в пекинском варианте звучит как Сунь Чжуншань, также как Чан Кайши, — по-пекински Цзян Цзэши, знаменитые южные города Китая — Кантон и Гонконг по-пекински звучат как Гуанжоу и Сянган.

Китайская культура требует очень сосредоточенного внимания к мелочам, многим тонкостям и нюансам, ускользающим от дилетантов. Китаевед — это человек, который знает и понимает главные цели и главную модель развития этой страны, особенности ее культуры. Китаевед это только тот, кто может ответить на вопрос не только о том, что есть в Китае, а почему это есть и зачем это есть.

Китаевед должен понимать основные принципы существования Китая, его исторические основы, систему ценностей этого народа. Это самое главное. Знание деталей

важно, но они меняются. Сегодня — одни, завтра — другие, а ценностные структуры, принципы Китая, на которых уже более пяти тысячелетий строится вся жизнь этой страны, менталитет, восприятие внешнего мира, разумеется, тоже меняются, но их стержень, глубокая и прочная самоидентичность, специфичность меняются медленно. **Перед китаеоведами стоит задача расширить взаимопонимание и поле сотрудничества, поле взаимодействия наших культур, а значит, наших народов и государств.**

В чем особенности китайской культуры и специфика профессии китаиста?

С моей точки зрения, Китай требует от китаиста полной самоотдачи, полного погружения в его культуру. Надо полностью отдаться ему, только тогда ты сможешь понять кое-что существенное в Китае. Китайская культура многослойная, закрытая, интровертная. Лишь благодаря общению с западной культурой и, прежде всего, теснейшим контактам с советской культурой, китайская культура, китайская интеллигенция восприняли элемент открытости. Так, китайская культура в отличие от японской стала полуоткрытой. Эта открытость и стала результатом китайско-советской дружбы, страданий и поисков китайской интеллигенции и усилий наших людей, которые работали в Китае с полной самоотверженностью, с полной самоотдачей, не считались со временем. Они считали своим долгом отдать друзьям все то, что они знали, без всякой утайки.

На какие основные принципы китайской культуры, которые обязательны для понимания этой страны, Вы считаете нужным обратить внимание молодых китаеведов?

Я хочу сказать, что китаеведы в китайской культуре, китайской бытовой культуре видят вещи, которые присущи только китайцам и всегда будут присущи только китайцам, точнее, ханьцам, но есть вещи, которые имеют общесовицизационное значение и которые достойны нашего изучения и заимствования. Это, конечно, трудолюбие, тщательность выполняемой работы, мелочей у китайцев нет — вещь, поступки, действия должны быть совершенны. В этом воплощается принцип китайского менталитета — *сичжи*. Этот термин из двух иероглифов можно перевести на русский несколькими словами: тщательно, искусно, изысканно, мастерски, сделать с тончайшим искусством и изыском. Эта черта, с моей точки зрения, очень важна и достойна уважения. В этом нам стоит поучиться у китайцев. Соединить достоинства нашей культуры, исключительную креативность русского ума и умение изобретать нечто необычное, видеть решение той или иной задачи по-особому, найти особый взгляд и особый подход, если соединить с китайским умением доводить открытие до совершенства и практической реализации, то действительно получится мощный синергетический эффект в развитии. Любую новую идею китайцы стремятся довести до совершенства. У них в этом деле нет мелочей, все, что имеет отношение к реализации идеи, они проверят, обсудят, причем проверят не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и через прецеденты и опыт многотысячелетней культуры Китая.

Есть еще один момент. То, что нам китаистам, как мне кажется, надо внести в нашу культуру — это стимулировать сотрудничество, обмены, диалог в целом с китайской культурой, учиться умению извлекать и привлекать исторический опыт своей культуры, своего народа для решения сегодняшних проблем и проблем будущего.

В этом плане одна из причин советско-китайского конфликта, по-моему, заключалась в том, что после 1940-х годов произошло игнорирование исторического опыта. Да, у нас в 1950-е годы сложились очень хорошие, действительно братские отношения, мы оказывали большую помощь китайским товарищам, они были очень благодарны и по сей день нередко вспоминают это добрыми словами. Но мы забывали, на какие пласты истории, исторической памяти народов накладывалась наша дружба. Себя Китай скромно объявил «младшим братом». Но у «младшего брата» история в пять раз длиннее, чем у «советского старшего брата», и в Китае не забыли, что в прошлом царская Россия отнюдь не всегда была среди друзей Китая.

Мы, например, критиковали Мао Цзэдуна за то, что он выдвинул в 1936 г. на VI пленуме ЦК КПК задачу китаизации марксизма, трактуя это как проявление национализма. Но тогда это была попытка найти способ адаптировать к условиям страны заимствованные извне идеи. Мы не поняли этого и в Китае многие не поняли. Позднее Мао Цзэдуна эту идею довел до крайности. Он пришел от китаизации к китаецентризму, в этом была его глубокая ошибка. Но идея китаизации — это правильная идея, и она имеет всеобщее значение. В том смысле, что коммунистические, современные идеи должны быть адаптированы, не просто переведены на национальный язык, а адаптированы к истории и к цивилизационным основам данного народа, данного государства, к уровню его социально-экономического развития. Перевести на национальный язык — это не просто перевести с русского или немецкого на китайский, но сделать эти идеи понятными всей культурной массе народа, чтобы они увязывались с главными тенденциями развития национальной культуры и решением стоящих перед страной проблем.

В этом смысле задача китаистов состоит в том, чтобы видеть особенности китайской цивилизации, но эти различия не должны превращаться в камень преткновения на пути взаимодействия и диалога культур.

В наших отношениях с Китаем некоторые коллеги иногда говорят: русская культура и китайская культура абсолютно разные. Это так и не так. Да, китайская культура обладает своей особой спецификой. Она исторически более массивная, особенно в некоторых своих частях, она очень многоплановая, так же как и наша культура, но разные элементы этой культуры развиты по-разному, одни более развиты, другие менее развиты. Третьи имеются, как говорится, в скромном зачатке и не играют какой-то существенной роли. Видеть эти вещи, обогащать свою культуру другой культурой — это одно из призваний китаеоведа.

Почему я рассматриваю свое изучение Китая не просто как изучение, а как жизненное служение? Я считаю, что **я служу идее дружбы и взаимодействия народов России и Китая**. Я убежден, что только такое взаимодействие обеспечивает то, что Россия будет Россией, а Китай будет Китаем, что будет Китай и будет Россия как субъекты, как действующие акторы мировой истории и мировой культуры, и это будет очень долго. Если исходить из исторического опыта, могут возникнуть проблемы, но очень много будет зависеть от поведения России.

Китай не будет инициатором конфликта. Исторически Китай никогда не был инициатором крайне конфликтных ситуаций. Его позиция чаще всего была реактивной. Китай может не обратить внимание на какие-то действия, он может терпеливо ждать, накапливать претензии, это они умеют. Китай определяет, что главное, а главное — это благополучие своей страны и народа. Если то, что происходит, в это не укладывается, значит, это или случайно, или результат ошибки. Отношение Китая с другими партнерами можно уподобить двум гвоздям в старой кассе: для приходных (добрые дела) и расходных (недружественные действия) чеков. Сделал ошибку или обидел китайца — чек накладывается на один гвоздь без всякой видимой реакции. Чеки о хороших делах фиксируются на другом гвозде. У китайцев очень глубокая и долгая историческая память, они помнят и добро, и зло. И вот приходит момент подведения баланса. Китайцы благодарный народ, но за причиненное зло и обиды надо добиваться отпущения грехов. Когда М. Горбачев в мае 1989 г. приехал в Пекин, то Дэн Сяопин провел подведение итогов заслуг и грехов советского руководства в отношении Китая. При этом он исходил из главного, а главное — нормализовать двусторонние отношения. Это очень важно.

Если анализировать позицию Китая в отношении Советского Союза, то следует различать официальную позицию, внедренную пропагандой в народное сознание, и самостоятельное самосознание китайцев. О т.н. «советском ревизионизме» народ узнал от своих властей, а сам он своими собственными глазами в течение 10 лет видел только добрые дела: построенные заводы, самоотверженную работу наших специалистов, защиту

прав Китая на международной арене, помощь в преодолении эмбарго Запада против Китая. У старшего поколения в памяти и наши герои — летчики-добровольцы, защищавшие небо китайских городов от японских агрессоров в конце 1930-х годов.

Вы думаете, это сейчас осталось?

Конечно, осталось в памяти старшего и среднего поколения китайцев.

Это поколение уже ушло или уходит.

Да, но оно еще есть, хотя и уходит. Среди них к власти приходят такие деятели, как Цзян Цзэминь, Ли Пэн, Ху Цзиньтао и даже Си Цзиньпин. Многие китайские деятели старшего поколения любят русские песни и советскую литературу. Председатель Си Цзиньпин на встрече с группой российских китаеведов в 2012 г. в Москве с большой теплотой вспоминал, что в годы своей юности он испытал большое духовное влияние произведений советской и русской литературы, русской культуры. Особо он упомянул «Повесть о Зое и Шуре», роман «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, стихи Некрасова, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия».

В период «культурной революции» я каждый год приезжал в Китай. В Шанхае я жил в гостинице «Цзинцзян», где Цзян Цин в 1965 г. проводила совещание по вопросам культуры, готовя «культурную революцию». Спускаясь вечером в ресторан, я с удивлением слушал игру оркестра, живую музыку — советскую 40–50-х годов, народные русские песни в оркестровом исполнении. Это было в 1967 г. в разгар «культурной революции». «Синий платочек», «Катюша». Почему? А потому, что этот оркестр работал, когда здесь жили советские специалисты. Он другой музыки не знал, европейской музыки он не знал, она была объявлена «гнилой». А исполняемая им советская музыка «китаизировалась». Весь вечер китайцы танцевали под русскую музыку, никто не пел, поэтому мало кто знал, что это русская музыка — музыка и все. Вот и сейчас я приезжаю в Китай, встречаю моего друга профессора Чжу Цзяму, а он пытается называть меня «старшим братом». Я возражаю и говорю: Ну какой я «старший брат»? Это понятие, формула сидит в голове у китайца. У Мао Цзэдуна эта формула преследовала другую цель: «бить по голове...», а народ воспринял это выражение как проявление уважения к близкому другу, который был готов поделиться всем.

Очень важно знать и понимать историю всех этих перипетий. Они напоминают нам о политике царской России, действия которой не всегда были добром для Китая. Наши великие китаисты Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Палладий с огромной симпатией рассказывали о великой и загадочной китайской цивилизации, трудолюбии китайского народа. Конечно, в политике царизма в отношении Китая было и другое, присущее молодому, поднимающемуся капитализму. Но в XX в. все это ушло в прошлое.

Что, на Ваш взгляд, самое главное для понимания Китая?

Опыт отечественной китаистики и истории от В.М. Алексеева, А.А. Петрова, Н.И. Конрада, С.Л. Тихвинского, М.Ф. Юрьева, которые жили в Китае, любили и любят Китай, говорит, чтобы не китаизироваться, не стать эпигоном, а такие люди тоже есть среди китаистов, ученый должен знать свою культуру, должен сохранять свою идентичность, уметь сочетать свою русскую идентичность с китайской, с пониманием и проникновением в принципы китайской духовной и политической культуры, видеть общее и видеть различие и учиться заимствовать все лучшее из этой культуры, способствовать налаживанию настоящего конструктивного диалога двух культур, найти общность, общий язык, общую платформу, войти в резонанс с китайской культурой. Для китаиста очень важно понимать, что Китай не просто великий сосед, а осознавать, что добрые отношения и сотрудничество с Китаем являются гарантией благополучия и процветания обеих стран. Необходимо иметь в виду, что различия, которые существуют, не могут не существовать, имеют объективные основания. При правильном отношении к этим различиям, при умении найти баланс интересов они становятся фактором, стимулирующим поиск

решения этих проблем, поиск и создание общей позиции, а значит, становятся стимулом соразвития, возникает синергетический эффект.

Как Вы пришли в Академию наук?

Официально решение Президиума АН СССР о создании Института Дальнего Востока было объявлено осенью 1966 г. Директором ИДВ АН СССР был назначен заместитель заведующего отделом ЦК д.э.н. М.И. Сладковский, который в Отделе ЦК курировал экономические связи со всеми социалистическими странами и особенно с Китаем. В 1950–1960-е годы он был торгпредом СССР в Шанхае и Пекине. У него было немало публикаций по истории торгово-экономических отношений между Россией и Китаем, глубокое знание Китая, где он много лет работал, и до образования КНР. В 1920-е годы он выполнял ряд деликатных поручений в Китае, подпольно встречался с Чэнь Юнем и другими членами ЦК КПК в Шанхае. В общем, весьма опытный, знающий, заслуженный китаист. Он директорствовал 18 лет до июля 1985 г. Поскольку у него были тесные связи с отделом ЦК, то Институт и отдел тесно сотрудничали. Поддержание текущих связей отдела ЦК КПСС с ИДВ было возложено на меня. Поэтому все товарищи, которые давно работают в институте, перебивали у меня в рабочем кабинете в 412 комн., а затем в 432-й в 3-м подъезде на Старой площади.

Но на рубеже 1980-х годов стали чувствоваться сбои в работе института. Сначала у Михаила Иосифовича умерла жена, потом дочь, и сам он тяжело заболел, институтом стали руководить лица, далекие от науки. Я не знаю, какие были кандидатуры, но борьба за этот пост была между Отделом науки и нашим отделом. Ситуация была сложная. Решением от 1 июля меня сначала назначили, но 3 июля М.С. Горбачев, получив письмо «неких влиятельных лиц», отменил это решение. Секретари ЦК КПСС и руководители отдела ЦК, которые меня хорошо знали по работе, К.Ф. Катушев, К.В. Русаков и др. обратились в Политбюро ЦК КПСС, и решение было вновь пересмотрено. 4 июля мне официально сообщили, что я утвержден директором ИДВ АН СССР.

В Институте мне сразу же пришлось столкнуться с непростой ситуацией разброда и интриг. Потребовался ряд лет, чтобы создать в нем здоровую, доброжелательную атмосферу взаимного уважения. С некоторыми активистами по плетению интриг пришлось расстаться. Когда в 1990 г. состоялись выборы директора, абсолютное большинство проголосовало за меня, меньше 10 голосов против. На всех последующих третьих, четвертых, пятых выборах я был избран единогласно при одном воздержавшемся. Все эти почти 30 лет я стремился создать в Институте максимально свободную, максимально творческую атмосферу для работы каждого, считал, что в Институте каждый имеет право иметь свою точку зрения и должен уметь ее обосновать, доказать право на ее существование, каждый имеет право на слово в дискуссии, но должны уважаться и другие точки зрения. Это первое.

Второе, на чем я настаивал и продолжаю настаивать — это то, что Институт, китаевед несут особую национальную и государственную миссию. В силу сложности освоения в массовом сознании китайских реалий каждый сотрудник Института призван нести глубинные знания о Китае в общество, участвовать в разработке кардинальных проблем развития Китая и российско-китайских отношений, изучать опыт Китая, китайской культуры, выявлять то, что может быть полезного для нас, способствовать расширению платформы сотрудничества, проводить сопоставление национальных интересов двух стран, выявлять, где они совпадают, а где не совпадают, и как сделать так, чтобы несовпадающие моменты не стали препятствием на пути развития сотрудничества и добрососедства России и Китая.

Третья задача — не только просвещение общества, но и донесение самых главных системных знаний из опыта Китая до высшего руководства страны, до тех структур в государстве, которые вырабатывают и принимают политические решения. Институт выполняет миссию научного сопровождения политики России в отношении Китая. Ин-

ститут всегда участвовал в этом. К сожалению, за последние более чем 20 лет количественный состав Института уменьшился вдвое, но усилиями ветеранов и активной части молодых ученых результаты работы Института выросли. Появился ряд новых направлений, которые позволили ему стать не только центром изучения Китая, но именно Институт Дальнего Востока. Новые направления, наряду с Центром по изучению и прогнозированию российско-китайских отношений, создали более широкую цивилизационную основу для изучения Китая и других наших соседей. Было открыто новое направление — сравнительное изучение китайской цивилизации и ее взаимодействий с другими цивилизациями. В рамках этого направления сложился ряд научных школ: школа изучения китайской философии и перевода китайской классики, школа изучения политической культуры Китая. Возникшие ранее школы по изучению китайской экономики объединились в единое направление по изучению опыта экономических реформ в Китае, выявлению того, что из этого опыта можно использовать в условиях России. К сожалению, многие наши предложения были отвергнуты Е.Т. Гайдаром. Он заявил, что китайский опыт для нас неприменим, так как Китай, по его словам, тоталитарное государство, а Россия — демократическое.

Впервые китайский опыт стал предметом интереса и внимания со стороны высшего руководства, когда главой правительства стал Евгений Максимович Примаков. Президент В.В. Путин также проявляет большой интерес к китайскому опыту. Все эти годы Институт выполнял свою роль разработчика и аналитика опыта реформ в Китае.

Институт усилил и усовершенствовал комплексный подход к изучению Китая. Не только современного, но и времен, определивших корни сегодняшнего дня, исторические и идеологические предпосылки, на основе которых принимаются решения. К изучению того, как прошлое влияет на сегодняшнее и на будущее этой страны. То есть предметом изучения стал фактор исторической памяти как элемент китайской культуры и как элемент китайской политической культуры.

Остался ряд вопросов, которые, наверное, Вам наиболее интересны. Отношения между Китаем и Россией в последнее время развиваются очень динамично, в чем причина такого сближения, каковы проблемы и ограничения, и как они влияют на международную ситуацию?

Одним из немногих положительных достижений ельцинского периода было то, что он не разогнал школу советской дипломатии и кадры, которые у нас работали на международном направлении в МИДе, бывшем ЦК и в Академии наук. Их научный и производственный потенциал был востребован им. Благодаря этому нам удалось после непродолжительной «козыревщины» и безуспешных попыток встроить Россию в колесницу западной, прежде всего американской политики, более реалистично оценить соотношение политики Запада и Востока. В этом случае решающее значение имело то, что нашим сотрудникам, прежде всего в государственном аппарате, удалось убедить Б. Ельцина в необходимости развивать отношения с Китаем и совершить визиты в КНР в 1993 и в 1996 гг., чем была обеспечена преемственность курса на нормализацию советско-китайских отношений. Эта тенденция была «переброшена» на российско-китайские отношения и получила закрепление в 1996 г. во время встречи на высшем уровне, когда получила поддержку идея советско-китайского стратегического партнерства. Во-первых, стороны извлекли урок из советско-китайского конфликта 1960–1980-х годов. Во-вторых, обе стороны осознали, что их коренным интересам отвечает поддержание нормальных отношений сотрудничества, и даже убежденные западники стали понимать, что добрые отношения с Китаем помогают и их заигрыванию с США и НАТО. Китай также увидел, что только в лице нового российского руководства, которое не обладало менталитетом державности и гегемонизма, он может видеть в России надежного партнера и доброго соседа. Когда все, включая страны Прибалтики, пытались «вытирать о Россию ноги», Китай был единственной, но по-настоящему крупной державой, которая с пониманием отне-

слась к трудному положению своего соседа. Китайское руководство публично заявило, что Россия была, есть и будет великой державой, и что Китай заинтересован в возрождении России и сотрудничестве с ней.

Китайское руководство поставило перед китайскими обществоведами задачу дать ответ на вопрос: «Почему распался Советский Союз?» Было выдвинуто требование извлечь уроки из трагедии СССР и КПСС, чтобы такая трагедия не повторилась в Китае. Важную роль в осознании этих уроков стали играть ученые, которые учились в Советском Союзе в 1950-е годы. Это то поколение, которое сохраняло память о советско-китайской дружбе. Прежде всего был отвергнут тезис о гибели России. Россия обладает могучей армией, великой наукой и населением, обладающим высочайшим качеством — такой вывод сделали китайские аналитики к 1994 г. Далее было отмечено, что для поддержания быстрого развития Китая нужны ресурсы, которых в Китае недостаточно или нет. Но где их можно взять? Прежде всего, благодаря сотрудничеству с соседом, с Россией. Конечно же, китайцы увидели, что американцы и Запад пытались представить трагедию Советского Союза как свою «великую победу», победу своей идеологии. Последующими участниками этой трагедии могут оказаться и другие государства, а среди них не в последнюю очередь и Китай, которому Запад усиленно пытается навязать свои политические модели и ценности.

Можно ли сказать, что Китай искал себе геополитического партнера и союзника?

Китай формировал для себя наиболее выгодное международное окружение. И поддержание нормальных добрых отношений с Россией является одним из важнейших факторов создания такого благоприятного окружения для развития их страны, а развитие стратегического партнерства с Россией является одним из факторов, который укрепляет позиции Китая в отношениях с Америкой, Японией и с Западом в целом. Сейчас, когда беседуете с серьезными китайскими политиками, можете услышать, что Россия обладает огромным историческим опытом решения глобальных проблем, которого Китай не имеет, и которого нет у Америки. Этот опыт имеют Англия, Германия, Франция, а другие страны не имеют. И китайцы это знают. Советская дипломатия сыграла огромную роль в период Великой Отечественной войны и играет роль «компенсатора» нашей нынешней экономической неустроенности.

Какие ограничения, на ваш взгляд, самые серьезные в нашем сотрудничестве с Китаем сегодня?

Самых больших, на мой взгляд, три, если не вдаваться в детали.

Первое и самое главное ограничение — европоцентризм, непонимание геополитического положения и геополитической роли России, того, что она может играть свою роль и раскрывать свой невиданный потенциал только как евразийское государство. Непонимание того, что одной из причин гибели Советского Союза был европоцентризм. Непонимание того, что мы должны через сотрудничество поделиться с Китаем тем, что у нас в избытке, а в Китае — дефицит. Делать это нужно разумно, с учетом своей безопасности и получать от Китая за это инвестиции, кредиты, получать выгоду, получить недостающие средства для развития. Если мы этого не сделаем, все это будет оставаться мертвым капиталом. Наши западные «друзья» со временем попытаются предпринять попытки к интернационализации природных богатств Восточной Сибири и Дальнего Востока. Подготовку к этому уже ведут американцы. Заявления г-жи М. Олбрайт, З. Бжезинского и других американских политиков подтверждают наличие таких намерений.

Во-вторых, это китаефобия, масса всяких предрассудков и мифов о некой «китайской угрозе». Но история опровергает эти мифы. Еще в царские времена С. Витте и П. Столыпин завезли огромную массу китайской рабочей силы, часть которой укоренилась в России. «Русские» китайцы создавали сферу услуг, нужную и очень выгодную для нас. Это были и парикмахерские, и прачечные, и столовые, плотники, строители и т.д.

Кто строил железную дорогу Питер — Мурманск? Некрасовское стихотворение «Железная дорога» «о косточках русских» можно переиначить применительно к истории строительства Транссиба и железной дороги Петербург — Мурманск, где русские косточки смешались с китайскими.

До 1937 г., т.е. до начала широкой агрессии Японии против Китая, 20% с лишним населения Владивостока были китайцы. Владивосток от этого не стал китайским. Город развивался, сам себя обеспечивал продовольствием, овощами, не надо было возить эти продукты из Европы или Китая и Кореи. Китайцы, корейцы обеспечивали и себя, и наше население мясом, молоком и овощами. Их врожденная предприимчивость, талант торговцев, трудолюбие решали и могут впредь решать многие проблемы. Этого нельзя забывать.

В целом, среди значительной части деловой и политической элиты России имеет место непонимание того, что нынешний Китай — это совершенно другое, могучее государство. Это новая, возродившаяся страна с огромным потенциалом, наличием 900-миллионной активной рабочей силы и огромными запасами свободных капиталов. У нас есть большой потенциал взаимодействия, взаимодополняемости, что зачастую остается без внимания нашей бизнес-элиты.

Сотрудничество с этой страной мы или недооцениваем, или даже боимся осознать. Сказывается некоторая инертность и леность ума, чрезмерная самонадеянность.

Третий момент — склонность определенной прозападно настроенной части нашего политического истеблишмента во взаимодействии с внешними силами не допустить сближения и взаимопонимания между Россией и Китаем. Эта политика ведется с двух сторон. В Китае тоже складывается антироссийская прослойка, а в России — антикитайская, насаждающая через СМИ всякого рода предрассудки о «китайской угрозе». Сказывается нежелание объективно понять сходство с интересами России китайских интересов, восстановление статуса КНР как великой мировой державы. Надо, наконец, осознать необходимость адаптироваться к тому, что Китай несмотря на трудности восстановит свои позиции не только как региональная, но и как великая глобальная держава. Но Китай в соответствии с дэнсяопиновским советом не рвется «что-то возглавлять», он считает, что ему выгодно быть на «вторых ролях». Свое мирное развитие он пытается встроить в концепцию соразвития. Поэтому ставится задача получения не только взаимной выгоды, но и взаимного выигрыша. Здесь проявляется китайский национальный менталитет, азартность. Ему нужна не просто выгода, а азарт, выигрыш. Китайская мечта — это тоже взаимовыигрыш. У нас еще сохраняется непонимание значения китайского фактора в мировой политике, непонимание огромного значения Китая в обеспечении целостности, суверенитета России, для создания благоприятных условий развития и подъема восточных районов страны. Китай как фактор нашего развития недооценивается и слабо используется, если не игнорируется.

А со стороны Китая есть ограничения?

Конечно, есть. Все ниши, которые занимал Советский Союз в китайской экономике, за годы обострения отношений с начала 1960-х до конца 1980-х годов были заняты американцами, японцами, Европой и т.д. И осталось то, что они не хотели, где они не заинтересованы в развитии Китая. Космос — раз, военные технологии и вооружения — два, атомная энергетика — три. Вот, пожалуй, все, что нам осталось. И в этих отраслях идет развитие. Но кто партнеры? Крупные частные китайские или российские корпорации? Нет. Почти исключительно корпорации, находящиеся под полным госконтролем с той и с другой стороны. Крупные частные компании и в КНР, и в России тесно связаны с Западом, США, Европой, а в Китае еще и с Японией, Африкой, Латинской Америкой, Австралией.

В Китае тоже есть прослойка узких националистов, которые боятся России, которым активно внушают эту мысль их американские и европейские друзья. Нынешние и

будущие 100–200 млрд долл. нашего товарооборота — это почти в 6 раз меньше, чем товарооборот Китая с США, в 4 раза меньше, чем с Японией.

Какие две или три обнадеживающие или, наоборот, тревожные тенденции Вы могли бы назвать, которые появились у нас за последние годы?

Нам надо вести дело так, чтобы восстановить взаимопонимание — какие-то оси или союзы нам и китайцам не нужны. Ни в каком союзе России и Китая никто ни в России, ни Китае не заинтересован. Конечно, некоторые наши журналисты говорят о союзе, но дело в том, что всеобъемлющее стратегическое партнерство и доверительное взаимодействие и является современной формой союза. В нашем российско-китайском договоре есть 9 статья, которая по своему смыслу очень близка к союзническим обязательствам. Мы поняли специфику китайского менталитета, Китай ни за кого проливать свою кровь не намерен и не будет. Китай ни за какие золотые горы ни щепоткой своего суверенитета, ни щепоткой своих национальных интересов ради посторонних интересов не пожертвует. Главная идея Китая, это сам Китай. Самость Китая — это глубочайшее чувство, питаемое на генетическом уровне. Русский готов был пожертвовать всем, как нас учил Владимир Ильич, ради интересов мировой революции. А Троцкий призывал даже пожертвовать Советским Союзом ради победы мировой революции. Китаец ради мировой революции своими коренными интересами не готов и не будет жертвовать.

Необходимо именно взаимопонимание, чтобы обеспечить национальные интересы с экономической и политической точек зрения, чтобы остановить или сдерживать американскую гегемонистскую политику с позиций силы. Такой силой может быть взаимодействие государств по линии БРИКС с привлечением к нему некоторых стран Европы. Мне кажется, что надо добиваться тесных взаимоотношений БРИКС с Германией, Италией, Францией, Испанией. Германия — страна великой деловой культуры, является в этом смысле образцом для всего мира. Других союзников и партнеров, которые бы материально, ресурсно и цивилизационно понимали ее, кроме России, Китая и Индии у Германии нет. Мы сможем решать многие задачи только тогда, когда преодолеем узкий европоцентризм, когда мы поймем значение и роль Китая, Индии и вообще этого региона как нового центра развития. Сейчас идет борьба за новое распределение сил и зон влияния в мире. И очень опасно, что американцы взяли курс на силовой провокационный гегемонизм, который может привести к возрождению не только холодной войны, но и мировому пожару.

Идея социализма, на мой взгляд, не умерла. Реализация идеи «бедного социализма», идеи перескакивания через естественно-исторические этапы развития показала, что концепции «некапиталистического пути развития», идеи перескакивания из феодализма через капитализм в социализм, модель крестьянской первоосновы социализма себя не оправдали и продемонстрировали свою несостоятельность.

Перед Китаем сейчас возникла необходимость проведения настоящей культурной революции. Социализм нельзя свести к экономике, без высокого уровня культуры и образованности основной массы населения подлинные задачи модернизации и построение общества всеобщего благосостояния также решить невозможно. Си Цзиньпин поставил задачу с помощью великой идеи — китайской мечты, решить проблемы, стоящие перед страной. Нам остается лишь пожелать нашему великому соседу великих успехов в реализации планов мирного развития.

2 апреля 2015 г.